Шэнь Чжэньяо, которого удерживал за рукав товарищ, ткнул в Гу Ци пальцем и недобро бросил:

— Наступит день, когда ты придешь ко мне с мольбами.

Гу Ци помрачнел и холодно бросил в ответ:

— Мечтай.

Пережив эту нелепую сцену, Гу Ци упрямо дораздавал листовки до самого конца и только после этого отправился домой. По дороге, проходя мимо ряда ресторанчиков у входа в жилой массив, он замер на месте, вперив взгляд куда-то вперед: у дверей группа женщин весело болтала, перебирая овощи. Среди них, словно изгоняемая всеми, сидела его мать — женщина, которая отродясь палец о палец не ударила в быту, а рядом на скамейке делал уроки Гу Чэнь.

Гу Ци резко развернулся и отошел подальше. Пометавшись на месте, словно загнанный зверь, он вдруг со всего маху пнул стоявший у дороги мусорный бак. Задрав голову, он уставился на лучи солнца, мерцающе пробивавшиеся сквозь листву под порывами ветра, и его глаза предательски покраснели. Когда на него глазела толпа, когда ему приходилось мыть посуду и терпеть издевки, когда он впервые в жизни бегал по улицам раздавать листовки, рискуя встретить знакомых и сносить презрительные взгляды, он держался, он все сносил. Но в тот самый момент, когда он увидел мать и младшего брата, он впервые в жизни подумал о том, как же трудно жить.

Проведя так больше полумесяца — в оцепенении и скрывая боль, — он вернулся домой одним вечным вечером. Как обычно, его братишка помогал матери мыть овощи перед рестораном, но случайно задел чужого ребенка. Несколько человек тут же набросились на мальчика, требуя извинений. Как раз в этот момент подошел Гу Ци.

Разобравшись во всем, он с абсолютно бесстрастным лицом бросил мальчишке:

— Извини.

Затем он подхватил брата на руки и направился домой. В спину им летели недовольные голоса чужих родителей и непрекращающиеся извинения его матери.

— Ты что удумал? Всего-то и нужно было извиниться! Ведь и впрямь Чэнь-чэнь первый толкнул чужого ребенка. А теперь что? Меня больше туда не пускают, ты только посмотри на себя… — запричитала мать, едва переступив порог.

— Мам, — Гу Ци опустил Гу Чэня на пол и произвел: — Если бы речь шла просто о мелких соседских стычках, я бы, конечно, не стал вмешиваться. Но ты же сама видела: они вели себя заносчиво и агрессивно. К тому же Чэнь-чэнь уже извинился на месте, а они продолжали цепляться и заставили его извиняться перед толпой людей. Ты подумала, какой удар это нанесет по психике ребенка?

— Такой малыш, что он понимает в этих страданиях? — мать снова залилась слезами. — Ду, по-твоему, я сама этого хочу? Мне что, детей не жалко? Но твоему отцу сейчас срочно нужны деньги! А все те закадычные друзья и товарищи, что увивались вокруг нас в мирное время,

теперь попрятались, как черепахи в панцирь. Что я могу поделать? Что мне делать, женщине?!

— Мам, — вздохнул Гу Ци, обнял ее за плечи и легонько похлопал по спинам. Лишь спустя долгое время он произвел: — Мы что-нибудь придумаем.

Вечером Шэнь Чжэньяо, напоенный до полусмерти компанией дружков-собутыльников, в полумраке заметил приближающуюся фигуру. Прищурившись и долго вглядываясь, он с помощью кого-то наконец сообразил, кто это.

— Мне нужно с тобой поговорить, сможешь выйти на минутку? — подойдя ближе, произнес Гу Ци. Его голос звучал мягче, чем когда-либо прежде.

Шэнь Чжэньяо усмехнулся, оперся рукой о перила, поднялся на ноги и последовал за ним:

— Выкладывай.

Гу Ци долго молчал, а затем нахмурился и выдавил:

— То, что ты говорил раньше… еще в силе?

— О чем именно ты? — переспросил Шэнь Чжэньяо, глядя на него с притворной наивностью.

Избегая его взгляда, Гу Ци рубанулпрямо:

— Год времени, один миллион, выплата целиком и сразу — тогда я согласен.

Шэнь Чжэньяо изогнул бровь:

— Ты что, стоишь миллион?

В семье Гу Ци испокон веков придерживались принципа воспитывать мальчиков в нищете. Несмотря на это, карманные деньги Гу Ци составляли по триста тысяч в месяц. К тому же отцовский чиновничий ранг у Шэнь Чжэньяо был даже выше, чем у отца Гу Ци, а семьи высокопоставленных чиновников обычно открывали компании на имена родственников или ведут бизнес — по крайней мере, в сфере общественного питания. Так что Гу Ци вовсе не задирал цену до небес.

— Как знаешь. Считаешь, что не стою — считай, что я ничего не говорил.

С этими словами он развернулся и хотел было уйти, но Шэнь Чжэньяо, вполне предсказуемо, окликнул его:

— Ладно, я согласен. Только дай мне пару дней, завтра-послезавтра соберу сумму и отдам.

Даже понимая, что Гу Ци раскусил его и заранее знал о согласии, Шэнь Чжэньяо все равно поступил бы точно так же. С тех пор как Гу Ци проломил ему голову, он только и думал о том, как бы с ним расправиться. Если бы не неприятности отца Гу Ци и не запреты собственного родителя, он ни за что не позволил бы тому бегать на свободе до сих пор. И теперь, когда

подвернулась такая возможность — просто упустить ее было бы безумием. Только напившись до бесчувствия, Шэнь Чжэньяо мог бы отказаться.

http://bllate.org/book/22332/2339374